

Н.А. Потапова*

N.A. Potapova*

**«Не будь здесь завода, не стало бы
и города»: советская пятилетка
1928–1932 годов в Искитиме и первые
рабочие Чернореченского цементного
завода (воспоминания
П.Р. Колесникова)**

**“Had there been no Factory here, the
City Would not have Become”: the
Soviet Five-Year Plan, 1928–1932 in
Iskitim and the First Workers of the
Chernorechensky Cement Plant
(Memoirs of P.R. Kolesnikov)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-5

УДК 316.43 (470.5)

Выходные данные для цитирования:

Потапова Н.А. «Не будь здесь завода, не стало бы и города»: советская пятилетка 1928–1932 годов в Искитиме и первые рабочие Чернореченского цементного завода (воспоминания П.Р. Колесникова) // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 57–69. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-05.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-5

How to cite:

Potapova N.A. “Had there been no Factory here, the City Would not have Become”: the Soviet Five-Year Plan, 1928–1932 in Iskitim and the First Workers of the Chernorechensky Cement Plant (Memoirs of P.R. Kolesnikov) // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 57–69. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-05.pdf>

Abstract. The memoirs of Petr Kolesnikov, a participant in the Great Patriotic War, a labor veteran, a worker of the Iskitim cement plant, are published. Kolesnikov left behind two diaries, one of which is devoted to the construction and establishment of a cement plant, and the second to the Great Patriotic War. In this work, diary entries dedicated to the plant are introduced into scientific circulation. Kolesnikov began to write down his memories after retirement in 1973. The last pages, according to handwritten marks in the diary, date back to 1980. Kolesnikov’s handwritten memoirs occupy about 60 notebook pages. They are short stories, each with its own name. A large place in the memories is given to people who participated in the construction of the plant and in its further operation. The author begins the narration in 1929, from the moment of the survey work on the Berd. At this time Kolesnikov was 16 years old, he began his labor activity in the horse yard at the cement plant. In the 1930s, he was promoted to the position of electrician on duty, which he held until his retirement. Kolesnikov retired in the early 1970s, having devoted more than 40 years of his life to the plant. In the diary, memories of the plant are intertwined with memories of Kolesnikov’s personal life, so the diary is published with extracts. The memoirs cover a wide range of issues, including the plight of workers, difficulties in building, operating a cement plant, lack of specialists, etc. Another valuable side of these memories is a large number of portraits of directors and workers, about many of which there is no detailed information. Memories are of historical value, since they provide significant assistance to historians not only in studying a particular industrial facility and a city that owes its birth to a cement plant, but also in studying the problems of industrialization and the first five-year plan.

Keywords: industrialization; first five-year plan; Iskitim; cement plant; memoirs; P.R. Kolesnikov.

The article has been received by the editor on 01.08.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Потапова Наталья Анатольевна**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru

Potapova Natalia A., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

Аннотация. Публикуются воспоминания Петра Романовича Колесникова, участника Великой Отечественной войны, ветерана труда, рабочего цементного завода в Искитиме, который стоял у истоков предприятия. П.Р. Колесников оставил после себя два дневника, один из которых посвящен строительству и становлению цементного завода, а второй – Великой Отечественной войне. В данной работе в научный оборот вводятся дневниковые записи, посвященные заводу. Свои воспоминания П.Р. Колесников начал записывать после выхода на пенсию в 1973 г. Последние страницы, согласно пометкам в дневнике, относятся к 1980 г. Рукописные воспоминания П.Р. Колесникова занимают около 60 тетрадных страниц. Они представляют собой небольшие рассказы, каждый из которых имеет свое название. Большое место в воспоминаниях отводится людям, которые участвовали в возведении завода и в его дальнейшей эксплуатации. Повествование автор начинает с 1929 г., с момента проведения изыскательных работ на Берди. В это время П.Р. Колесникову было 16 лет, он начал свою трудовую деятельность на конном дворе при цементном заводе. В 1930-х гг. его перевели в должность дежурного электромонтера, которую он занимал до выхода на пенсию. На пенсию П.Р. Колесников вышел в начале 1970-х гг., посвятив заводу более 40 лет своей жизни. В дневнике воспоминания о заводе переплетаются с воспоминаниями о личной жизни П.Р. Колесникова, поэтому дневник публикуется с извлечениями. Мемуары освещают большой круг вопросов, тяжелое положение рабочих, трудности строительства, эксплуатации цементного завода, нехватку специалистов и т.д. Еще одна ценная сторона данных воспоминаний – большое количество портретов директоров, рабочих, о многих из которых не сохранилось подробных сведений. Воспоминания представляют собой историческую ценность, оказывают существенную помощь историкам не только в изучении конкретно взятого промышленного объекта и города, обязанного своим рождением цементному заводу, но и в исследовании проблем индустриализации и первой пятилетки.

Ключевые слова: индустриализация; первая пятилетка; Искитим; цементный завод; воспоминания; П.Р. Колесников.

В 1929 г. на Чернореченском известняковом заводе появились изыскатели для обследования берега Берди. Вскоре после их отъезда стало известно, что было принято решение о строительстве цементного завода на станции Искитим Алтайской линии Омской железной дороги в 54 км от Новосибирска. Место для гиганта первой сталинской пятилетки было выбрано весьма удачно, поскольку рядом находились залежи известняка и сланца.

Именно с весны 1929 г. начинается свои воспоминания Петр Романович Колесников, которому к тому времени исполнилось 15 лет. Он запомнил группу изыскателей, расположившихся в доме его деда, преддрекавших строительство цементного завода в Черноречке. Создание предприятия развернулось в начале 1930 г., однако некоторые виды работ были выполнены еще в 1929 г. П.Р. Колесников стоял у истоков возведения сталинского гиганта, второго по величине цементного завода в Сибири. Он родился в 1913 г. в селе Черноречка Койновской волости Новониколаевского уезда Томской губернии в крестьянской семье, однако свою жизнь посвятил не сельскому хозяйству, как его дед и отец, а промышленному производству.

Жители окрестных деревень с энтузиазмом восприняли новость о возведении завода, охотно шли на строительную площадку, особенно это касалось молодежи. Петр Романович был в числе таковых, в 1929 г. он поступил на работу на конный двор плотником, а вскоре в 1932 г. стал электромонтером. На этой должности он оставался до своего выхода на пенсию. П.Р. Колесников посвятил заводу более 40 лет, оставив свою службу только на время Великой Отечественной войны. После Победы он снова вернулся на предприятие, продолжая работать до выхода на пенсию.

Петр Романович ушел из жизни в 2011 г. на 98 году жизни, оставив после себя два дневника, которые были переданы родственниками на хранение в Искитимский городской

историко-художественный музей¹. Первый посвящен цементному заводу, а второй – Великой Отечественной войне, за участие в которой П.Р. Колесников был награжден орденом Славы третьей степени.

Текст публикуется по правилам современной орфографии с полным сохранением авторского стиля. Мы благодарны Искитимскому городскому историко-художественному музею за возможность обнародовать данные воспоминания в журнале «Исторический курьер».

Начало стройки. 1929 год. Весна. К нам в деревню Чернореченка приехала группа людей. Правее известкового завода на площади начали вести планировку, создавать объекты цементного завода. Руководил группой человек. Был он уже в годах, полный, энергичный, любил поговорить на любые темы. Фамилия его Михеев. Приехал он один, без семьи. Мой дедушка Федор Васильевич пустил Михеева на квартиру. Уступил ему свою гостиницу, так у нас в деревне называли отдельную комнату. Мне тогда шел шестнадцатый год. Я часто ходил к дедушке. Меня тянуло туда, потому что Михеев имел велосипед. А для меня, деревенского парня, велосипед был в диковинку. Погляжу на велосипед, подержусь за ручки и этим был доволен. В свободное время Михеев часто вел разговоры на разные темы с моим дедушкой. Он говорил, что на берегу реки Берди лежит большой запас известняка.

Поэтому здесь выгодно построить цементный завод. Правительство дало приказ начать строить. Михеев говорил: «Построим завод и твой внук будет работать обжигальщиком!» Дедушка не хотел, чтобы я был рабочим. Он хотел, чтобы я был пахарем. Поэтому, как только я подрос, меня брали на поле, чтобы я с малых лет привыкал и полюбил крестьянский труд.

Но жизнь изменилась. И чему меня родители учили это мне не понадобилось. Обстоятельства сложились так, что я обжигальщиком не стал. Меня приняли в электроцех.

На стройке выстроили клуб. Под руководством Михеева создали бригаду плотников. Бригадиром был Гулев Александр. Поставили деревянный дом. В этом доме поместилась контора строительной площадки. Рядом с конторой построили столовую, промтоварный и продуктовый магазины. Продавцами были Александр Бурков и Григорий Марчев. Чуть в сторонке построили пекарню, где выпекали хлеб для рабочих. Хлеб и продукты выдавали рабочим по карточкам, а промтовары выдавали по ордерам. А чтобы получить ордер, для этого нужно отличиться на работе. Недалеко от стройконторы была небольшая площадь, там поставили деревянный дом. Этот дом заняли под клуб. Около клуба был сделан турник, кольца, шест. Тут же были и гири. Каждый вечер молодежь стройки собиралась в клубе. Под гармонь танцевали, водили хоровод, пели песни. В клубе проводили торжественные собрания, читали лекции, демонстрировали кино. Кино было немое – «передвижка». В конце зала ставили стол, на стол табуретку, на табуретку укрепляли аппарат, на скамье укрепляли динамо машину. Киномеханик сговаривал ребятшек, а те по очереди крутили весь сеанс. Редко, но в клубе ставили спектакли самодеятельные. В коллектив самодеятельности входили рабочие стройки: Мищенко с женой, Иван Долганин, Сашка Булгаков, Николай Кудрявцев. Были еще и другие, но эти мне очень хорошо запомнились по пьесе А.Н. Островского «Бедность не порок», которую ставили в клубе. Смотрю Долганин Иван, которого я так хорошо знаю, выходит на сцену, лысый, с бородкой – Африкан Савич пришел сватать Любу. До этого я никогда не видел постановок. И мне показалось это очень интересным.

Начали вербовать рабочих. На стройке рабочие были нужны. Строительная контора послала вербовщика Комарова Ивана Ивановича вербовать по деревням людей на строительство завода. В те годы ни у кого паспортов не было, тем, кто хотел завербоваться работать на стройке, сельский совет выдавал справку. Это был основной документ. В справке указывалась фамилия, имя, отчество и год рождения. Весной тридцатого года на строительство цементного завода прибыло большое количество рабочих, нанятых из деревень. Жилья не хватало, первое время жили стесненно. Приходилось жить несколькими

¹ Искитимский городской историко-художественный музей. ИМ 777 ПИ 1750 – Воспоминания о работе на ЧЦЗ Колесникова Петра Романовича.

семьями в одной квартире. Поспешно строили бараки. Осипу Кузьмичу Дуплякину управление стройки поручило приложить все старания для того, чтобы обеспечить людей жильем. Некоторые прибывшие имели большие семьи. Не дожидаясь, когда стройплощадка обещает их жильем, сами начали строить себе жилье. Кто как мог делал засыпные из дерна, кто из глины мазал. В числе больших семей хочу назвать Михаила Черепова, Степана Батурина, Василия Афонькина, Ивана Похила. Когда я поступил работать на конный двор, то семья Черепова и семья Батурина жили на конном дворе в шорной. Жили там до тех пор, пока сами не построили себе жилье.

Я учился на плотника. Я тоже решил было начать свою трудовую деятельность. Хотел поступить на работу на стройку. Но мне сельский совет не давал справку. Я еще был молод, мне было всего 16 лет. Да ни один я хотел этого. Желающих подростков поступить на работу было очень много. Всех посылали на биржу труда. Биржа была в городе Новосибирске. На бирже из набранных подростков формировали отряды, проводили с ними занятия. Учили на арматурщиков, каменщиков, щекатуров, плотников. По окончании пройденной программы посылали работать на стройки. Учеба продолжалась 3-4 месяца. Формы никакой не было. Кто в чем пришел, в том и учился. Жилья не давали, как кто устроился, так и жил. Хлеб выдавали по карточкам. Была организована столовая. Каждому курсанту выдавали талоны. По талонам можно было обедать и ужинать.

Я, Митя Сибирцев, Гришка Мишанов, Ванька Давыдов каждый день толкались у сельского совета. Мы хотели получить справку, по которой можно поступить на работу. Но сельский совет справок нам так и не дал. Тогда мы решили взять направление для предъявления на бирже.

На бирже нас зачислили в отряд плотников. Отряд плотников разместили в селе Бугры. Село располагалось на левом берегу Оби. Нас четверых пустили на квартиру Саватеевы. У них был большой дом, сделанный из круглого леса. Крыльцо было высокое. Семья у Саватеевых была большая: три сына и дочь. Летом они выращивали овощи и продавали. Сам хозяин занимался ломовщиной. У них было две лошади битюцкой породы. И упряжь вся была сделана надежно, чтобы перевозить большие тяжести.

Занятия проводились в Бугринском клубе. Верстаки стояли в два ряда, а в середине ходил инструктор Сарычев. Этому человеку перевалило уже за сорок, но он был еще бодрый. Его можно было узнать где угодно по губам. У него губы были большие, как будто они у него припухли и всегда были влажными. Но дело он знал. Он хорошо мог класть кладку из кирпича, мог щекатурить, плотничать.

Мой верстак стоял на сцене у самого края, и мне больше всех приходилось видеть как Сарычев подходил к верстаку и показывал ученику как правильно держать топор, ножовку. Как правильно держать голову, когда окантовываешь дерево. Вот так я осваивал профессию плотника. Осталось немного поучиться и программа была бы пройдена. А наш инструктор Сарычев запил и бросил нас учить. Уехал, а куда никто не знал.

Учеба наша прекратилась. Нам всем выдали справки, что мы прошли курс обучения. С этой справкой нас обязаны были принять на работу. Ванька Давыдов пожелал пойти работать на шахты. На этом мы с ним расстались, и больше я его никогда не встречал.

Я, Гришка Мишанов, Митя Сибирцев вернулись домой. Весна 1930 года. Настали праздничные дни Пасхи. Весь народ празднует. Во многих домах выпивают, слышатся песни. Митя Сибирцев жил в колтае. Так называли в нашей деревне окраину деревни. Когда он пришел домой, а молодежь их края собралась гулять. Митю пригласили в свою компанию, когда вся компания напилась до безумия самогонки, началась драка. В пьяной драке Митя Сибирцев был убит.

Я поступаю на конный двор. Как только мы приехали с курсов домой, Гришка Мишанов познакомился с Дмитрием Чороненко. Этот парень немного был старше нас, но был он очень добрым. Работал он на стройке машинистом двигателей внутреннего сгорания. Чороненко устроил Мишанова своим подручным. Остался без работы один я. Вечером у клуба я встретился с паренком такого возраста как я. Звали его Сашка Соловьев.

Я рассказал Сашке, что я учился на курсах плотников, на днях приехал, хочу поступать на работу. Сашка сказал мне, что его отец Арсентий Соловьев работает на конном дворе плотником. Пообещал просить отца взять меня на работу к себе в бригаду. 10 мая 1930 года я написал заявление с просьбой принять меня на работу плотником. К заявлению приложил свой документ о том, что я прошел курс обучения по плотнической работе.

Начальником конного двора был Виктор Путинцев. Отчество я его забыл, а так хорошо его помню. Он вел всегда себя спокойно, рассудительно. От этого он казался мне таким добрым. По возрасту он был вдвое меня старше. Он без всяких разговоров принял меня в бригаду Арсентия Соловьева плотником. Лошадей на конный двор всякий раз прибавлялось. Строили дополнительно конюшни, стойла, ясли, кормушки. С этого началась моя трудовая деятельность. Вскоре я узнал, что наш инструктор Сарычев здесь на стройке организовал курсы каменщиков и щекатуров и ведет занятия. У Сарычева в группе учится на каменщицу моя подруга Фрося.

Я работаю. Весна 1930 года, мне шел 17-й год. Я уже работал на конном дворе в бригаде Арсентия Соловьева. При поступлении медицинских комиссий не проходили, просто приняли и все. Работа мне нравилась. Первое время я боялся как бы не проспать утром на работу. Я не хотел допустить нарушение трудовой дисциплины. Потом привык, втянулся, стал приходить за полчаса до работы.

Прошел год, как начали создавать конный двор. Лошадей увеличилось втрое. Из подсобных участков конный двор стал самым крупным объектом. На территории двора поставили сарай из круглого леса, хорошо утеплили, в нем сушили и хранили сбрую. В сарае отгородили место для ремонта сбруи. Старшим шорником работал Савелий Бочаров. Все говорили, что свое дело он хорошо знает: свяжет хомут или седельце – залюбуешься. Человек он пожилой, крупного телосложения, очень серьезный. Мне сильно хотелось присмотреться как он мог так красиво делать сбрую. Но из-за строгости я боялся лишний раз заходить в шорную.

При дворе сделали кузницу: делали ремонт телег, саней, ковали лошадей. Кузнецом был Григорий Попов. Он был средних лет, на вид был худеньким, но энергичным, с юмором. В кузнечном деле толк знал. Все свои знания, накопленный опыт охотно передавал молодым.

К сараю приделали три стены, получилось хорошее помещение. Там поместили мастерскую, где делали сани, колеса, телеги. Занимался ремонтом Иван Захаров. Спокойный, добрый парень. В летнее время ему помогали готовить лес Степан Батурин, Михаил Черепов.

Я перешел в возчики. Плотником мне работать долго не пришлось. Как только на реке Берди спала вешняя вода, лошадей стали на ночь угонять за реку, в поле, на пастбище. Дома оставляли только больных и легковых. Пастухами назначили конюхов пожилого возраста: Бессонова, Попельева, Позалотина Степана.

Всю бригаду плотников стали рассылать по объектам. А я такой короткий период проработал среди ребят, которые работали возчиками, но сумел с ними сдружиться. Ребята были добрые, веселые, среди них Фрол Позалотин, Аркадий Зыков, Александр Соловьев, Опрышко. Я этим товарищам нравился, они стали меня уговаривать, чтобы я не уходил на объект, а перешел работать возчиком. Я согласился. Хочу сказать, что эти товарищи, с которыми я работал возчиком, ничем не отличились. Они честно трудились, не жалея своих сил. Они первые вложили частицу своего труда в строительство цементного завода. Никто не предполагал, что в недалеком будущем часть рабочих конного двора приобретут иные специальности на цементном заводе. Григорий Попов примет материальный склад завода. На этой должности он проработает до пенсии. Возчика Димитрия Прокопова назначат начальником цеха конного двора. Павел Комаров, окончив курсы, перейдет в цэс работать водосмотром. Ивакин Степан перейдет в охрану завода. Из охраны завода его и проводят на пенсию по старости.

Заготавливали кирпич. Для возведения зданий на строительстве цементного завода потребовалось большое количество кирпича. В середине лета снабжение стройки закупило в Безменовской артели шесть вагонов кирпича. Кирпичные сараи артели находились от станции Безменово километра четыре.

На конном дворе создали группу из шести возчиков, каждому прикреплялось по две лошади. Как только я согласился работать возчиком, начальник конного двора Путинцев назначил меня в эту группу. От снабжения экспедитором с группой возчиков поехал Андрей Коржавин. Молодой паренек очень спокойный, добрый. Он только что демобилизовался из армии (в армии был младшим командиром). В группе возчиков был Фрол Позолотин, он был друг и ровесник моего дяди Ивана, брата моего отца. Они вместе росли, были хорошими друзьями. Когда учились в школе, за одной партией сидели.

С Фролом я уже был знаком, он знал, что я племянник его друга Ивана. Когда поехали возить кирпич, то он стал проявлять ко мне большую любезность. То подскажет, то поможет что-нибудь по работе. А если найдется такой, который вздумает меня обидеть, Фрол тут же идет меня защищать. Я его во всем слушался, за это он меня уважал. Прошло сорок с лишним лет, я уже стал стар, но Фрола Позалотина я всегда вспоминаю с большой сердечной теплотой.

Под вечер мы приехали в Безменовскую артель. У самых кирпичных сараев стояло с десяток маленьких домиков, жили в них артельщики. В стороне стоял большой двух-этажный дом. Верхний этаж занят был жильцами, внизу половину дома занимала столовая, а вторая половина пустовала. В пустой половине нас поместили.

В первую ночь, когда мы все уснули, Фрол проснулся, света не было, он зажег спичку и увидел на каждом из нас красных клопов. У Фрола появилось чувство брезгливости, он начал будить всех. Я встал в темноте, начал отряхаться, затем я вышел на улицу, за амбаром нарвал беремья полыни. В книге я вычитал, как нужно вести борьбу с клопами, я подмел пол и обложил то место, где мы спали. Обратно все легли, но до утра уснуть не могли.

Амбар стоял чуть в сторонке и пустовал, на утро мы перешли жить в амбар. Фрол накопил воз травы, на траве нам спалось хорошо. Андрей Коржавин договорился внести в кассу артели деньги, чтобы нас в артельской столовой кормили три раза в день. Секрета никакого нет в том, что люди в артели жили бедно, с продуктами было плохо. Молодежь одевалась вечерами в то в чем есть, но настроение у всех было хорошее. Я познакомился с ребятами, они меня принимали в свою компанию. Каждый вечер приносили балалайку, я играл, а ребята и девочки пели, плясали, громко хохотали и только поздно вечером расходились по домам.

Так я прожил восемнадцать дней. За это время нами было перевезено и погружено шесть вагонов кирпича и отправлено на строительство цементного завода. Возвращаясь домой, мы заехали в Черепаново, день был базарный. Коржавин с Фролом купили водки, выпили и поехали дальше. Фрол ехал впереди, я сзади ехал. Андрей Коржавин спал на моей телеге. День шел на исход, стало смеркаться. Мы подъехали к воде, никто из нас не знал, что это за озеро. Можно ли ехать дальше? Я соскочил с телеги, посмотрел, след идет в воду, значит здесь ездят. Мы поехали. Неизвестно по какой причине, у Фрола лошадь упала в воду. Спасая лошадь, по пояс в воде Фрол быстро распрег ее. Я так испугался, что бы я стал делать, если бы моя лошадь упала. Выехали на горку, увидели огни. Что за деревня из нас никто не знал. Подъехали к дому, в доме горел огонь. Узнали, что это деревня Шибково. А хозяин этого дома Дорогин, работал на стройке цементного завода и некоторых нас знал. У него мы переночевали.

Когда вернулись на конный двор, то узнали, что Арсентий Соловьев заболел и вся плотничная бригада распалась. Я стал работать на разных работах, возил гравер, песок на объекты. Осенью я заболел.

Пропагандист. Зима 1931 года была суровая, стояли сильные морозы с туманом, а на строительных объектах работа не прекращалась. В тепляках закладывали фундамент, бетонировали перекрытия. Механизации не было, вся работа велась вручную, трудно

приходилось рабочим, но сознание у людей было большое. Это придавало силы. Как вспомнишь, как начинали строить, диву даешься! Какую меру мужества нужно иметь, чтобы все это выдержать. В этом большая заслуга партийной организации, строительной площадки и пропагандиста Булавина. Я хорошо его помню: среднего роста, худощавый, ходил всегда в сапогах, до блеска начищенных. Был он вежлив, хорошо воспитан. Жил он по соседству. Как сосед был неплохой. Его жена дружила с моей сестрой Анной, и поэтому часто у нас бывала. Она рассказывала как тяжело ее мужу работать. Большая часть рабочих не грамотная. Не понимают таких слов, как дисциплина труда, социалистическое соревнование. Булавин проявил большую заботу об этих людях, он старался помочь им, научить этих людей, чтобы они могли писать и читать. Вожаки комсомола Ушаков и Палкин помогали создавать кружки по ликвидации неграмотности. В красном уголке конного двора после работы проводили занятия. Такой метод много помог людям познать грамоту.

ВСУ. Строительная площадка установила временную силовую установку. Называли ее ВСУ. Начальником ВСУ был Маслаков. Он организовывал занятия по электротехнике. Я посещал его занятия, поэтому хорошо помню, как по объектам стали проводить свет, приспособливать лебедки на подъемник, сделали грохот, начали отсеивать гравер, установили растворомешалки. Все это сделали благодаря стараниям мастера по механизмам Музеева Петра Алексеевича. Беспокойный, трудолюбивый он имел особый изобретательский подход к делу. Он старался внедрять свои изобретения, чтобы механизмы облегчили работу рабочих, повысили производительность труда.

Помню как была пущена в ход машина. Вот-вот должны были включить нагрузку на генератор. На время весь объект приостановил работу. Когда загорелись лампочки, бетономешалка завращалась. Все были рады, как дети.

Тиф. В конце 1930 года на нашу стройку навалилась беда, по всему поселку стала распространяться эпидемия брюшного тифа. Тиф не щадил ни старых, ни малых – косил всех подряд. С каждым днем больных становилось все больше и больше. Многие не выносили такой заразы и умирали. Болезнь считалась заразной, больных нужно изолировать, а больницы еще не было. Не было также и врачей, на всю стройку был один фельдшер. Руководство стройки забеспокоилось, что-то надо принимать. Для общежития был построен барак. Его освободили, наставили топчанов и всех тифозных больных помещали в барак. Впоследствии его так и стали называть «заразный барак».

Как бы я не крепился, но не смог устоять, тиф меня свалил. Я лежал дома. За мной ухаживала мама, она не отдала меня в «заразный барак». Состояние мое было тяжелое, долго держалась высокая температура, я был без сознания. Когда температура спала, я пришел в сознание и спрашиваю: «Какое сегодня число?». Мне сказали, что девятнадцатое, а заболел я восьмого октября. Это время я считался безнадежным. Меня приходили проводить девушки. Я был сильно истощен, мне необходимо было создать хорошее диетическое питание, а с продуктами тогда было очень плохо.

Я пробыл на больничном больше трех месяцев. Когда я вышел на работу, я узнал, что мои товарищи по работе также болели тифом и многие не выздоровели. Но я остался жив, просто чудом, благодаря матери, ее заботе. Она применяла методы лечения народной медицины. И это мне помогло. Бедная мама, как ей было тогда трудно. Целыми днями хлопотала по хозяйству, не знала покоя ни днем, ни ночью.

Я работаю конюхом. Когда я выписался с больничного и вышел на работу, то возчиком я уже не работал. Меня перевели работать конюхом. Поручили мне восемнадцать лошадей. Большая часть этих лошадей считались больными. От недогляда возчика лошади сбивали спину, плечи. Тогда больную лошадь ставили в эту группу. Это специальное место, где ветеринар лечит, а конюх обязан кормить, поить, убирать. Кроме больных лошадей в этой группе были лошади легковые. Работали на них кучера только в дневную смену.

Дежурному конюху этой группы вводилось в обязанности в вечерние и ночные смены ездить на вокзал встречать пассажирский поезд. Если приедет начальник отдела стройки, то отвезти его на квартиру. Однажды я встречал вечерний поезд. Этим поездом приезжал

начальник отдела труда. Погода стояла хорошая. Снегу намело много, но дороги были хорошо прикатаны. Гнедая кобылица молодая, сытая бежала быстро. На повороте я не успел поддержать гнедушку, как кошева раскатились и мы вылетели в сугроб. Я вылетел первым, а начальник за мной. Вожжи у меня вырвались и задели за шею начальника и его начало тащить. Я напугался, соскочил, начал освобождать вожжи. А сам думаю: «Ну теперь мне попадет от него!», но все обошлось хорошо, он ничего не сказал.

Похороны. Мой товарищ побывал на поселке, познакомился там с девушками. Собирается еще пойти и приглашает меня с собою. Я не мог отказаться, так как считал, что это невежливо. Товарищ мог обидеться, подумать про меня плохо. Я начал говорить, что у меня там нет знакомых, а без знакомых будет неудобно. К тому же и далеко, в один день не обернешься, придется прогуливать работу, а это нехорошо, просто скверно. Прогул работы я считал позором. Товарищ совершал прогулы, не опасаясь последствий. И я ему рассказал какие события произошли в отсутствие друга.

По всем объектам партийная, профсоюзная организация стройки провели собрания. Разъяснили рабочим какой вред приносят нашей стройке люди, совершающие прогулы. На днях были проведены похороны прогульщиков. Из фанеры сделали небольших размеров шесть гробов. На гробах крупно написали фамилии самых отъявленных прогульщиков. Около клуба на площади состоялся митинг. Каждый прогульщик стоял возле своего гроба.

Руководители партийной, профсоюзной организации выступали на митинге. Призывали всех рабочих и служащих покончить с таким позорным явлением, как прогулы: «Отныне мы избавимся от такого порока, похороним его на вечно!» Я указал товарищу на холмик у забора, который и был могилой прогульщиков. Когда спускали гробы в могилу, знамя из рогожи склонили, а духовой оркестр дудел непонятную мелодию, а паровая машина ВСУ дала гудок, выражая не то скорбь, не то радость. Я завершил свой рассказ тем, что не могу пойти с товарищем, так как не намерен совершать прогулы, потому что стыдно быть прогульщиком.

Весна 1932 года. Строительство завода шло к концу. Некоторые объекты были закончены. Поэтому часть рабочих занятых на стройке следовало сократить. В это время создали контору – дирекцию завода. Формировать цеха завода поручили горному инженеру Левину.

Монтаж оборудования завода проводила подрядная организация. Эта организация пришлет своих специалистов в небольшом количестве, а подсобную силу дирекция завода должна выделить на месте.

С объектов стройки на монтаж стали переводить в основном молодежь, которая работала на земляных, плотничных, бетонных работах. Переводили с таким расчетом, что, когда завод будет пущен на полную мощность, эти люди к тому времени пройдут курс обучения, станут машинистами мельниц, компрессорщиками, ремонтными слесарями.

Я прихожу к Левину. Таких, как я, пришло много, я занял очередь. Принимал он по одному подробно каждого расспрашивал, кем он работал на стройке, сколько классов окончил. Вся молодежь была завербована из деревень, была малограмотна.

Перевод стремились сделать разумно с расчетом, чтобы в цехах создались кадры.

Моя очередь подошла. Меня вежливо пригласил молодой человек высокого роста в черном костюме в белой рубашке, он не один раз провел своим взглядом по мне, а затем поинтересовался местом моей работы на стройке, сколько окончил классов. Я чистосердечно ему рассказал, что я деревенский, вырос в крестьянской семье, окончил четыре класса сельской школы. Могу легко обращаться только с лошадьми.

Он посмотрел в свои бумаги, которые лежали на столе и сказал, что при заводе будет создан электроцех, а после запуска завода будут нужны ремонтные, дежурные электромонтеры. Далее сообщил, что намерен послать меня работать в электроцех, где будут созданы курсы по электротехнике. Я тогда не имел никакого представления об электрическом оборудовании завода и не знал хорошо это или плохо, что мне предложили такую должность.

Я поблагодарил Левина, пообещав, что приложу свое старание, чтобы оправдать его доверие, буду стараться быть передовым рабочим электроцеха.

9 апреля 1932 года я перевелся из строительной конторы с объекта конного двора в дирекцию завода в электроцех. Здание механической мастерской достраивалось, там будет место электроцеху. Не было еще начальника цеха.

Горный начальник Крайнев приглашает нас временно работать на вскрытии карьера. Согласились двенадцать человек, остальные ушли на объекты. Бригадиром назначили Мальшева. Отвели место забоя, толщина слоя земли достигала до двух метров. Механизмов никаких не было, работали киркой, лопатой, землю возили на тачках.

Вернулся я в электроцех в августе. Начальником цеха был Грот, по национальности немец, лысый, с большим горбатым носом.

ВЭО. Монтаж электрического оборудования завода будет вести Всесоюзное электрическое объединение, сокращенно называлось ВЭО. В здании электростанции, где будут размещаться душевые, отвели под мастерскую. Поставили два верстака с тисами, а посередине установили ручной сверлильный станок. В углу досками отгородили кладовую, хранить имущество.

Прибыл начальник участка ВЭО – Константин Петрович Хлебников. Молодой паренек, инженер-электрик, спокойный, рассудительный. Ходил всегда нарядным. Своим нарядом он отличался отменно от нас деревенских. С ним прибыли бригадиры Алексей Троицкий, Николай Лесецкий, Василий Судницкий, Павел Кудрин, Николай Маркеев, Дириколенко, Эвольт, Коба. Эти ребята прошли специальный курс обучения по монтажным работам, они имели разряды.

Лешку Троицкого, так его все звали, Константин Петрович назначил своим помощником. Он ведал инструменталкой и кладовой, где хранился электроматериал. Лешка выписывал каждой бригаде наряды и расценивал их.

Годами он был старше всех бригадиров, имел опыт по монтажным работам. Когда приходил на объект в бригаду и замечал, что сделанное не соответствует чертежам, заставлял переделывать. С замечаниями Троицкого бригадиры считались, всегда исправляли.

Я работаю в бригаде. Всех нам подсобников распределили по бригадам. Бригадиром первое время с нами было трудно, мы ничего самостоятельно не умели делать, не знали как правильно назвать инструмент. Я зачислен был в бригаду Николая Лесецкого. Парень он был толковый, честный, трудолюбивый, окончил десять классов. Работать по слесарному делу умел хорошо, без ошибок читал чертежи.

Бригада Николая Лесецкого вела монтаж первичной коммутации распределительного устройства ЦЭСа. Прокладывали две системы питательных шин, ошиновывали разъединители, трансформаторы тока, масляные выключатели. Для меня эта работа была новая, малопонятная. Я начал усиленно ее изучать. Мне повезло, мне достался такой хороший бригадир, он охотно передавал свой опыт, знания своим ученикам, всю душу отдавал.

Если подсобник добросовестно с любовью старается выполнить порученное дело, а у него плохо получается, Лесецкий тут же придет ему на помощь. Но подсобники были не все старательные, были такие, которые проявляли халатность, уклонялись от работы, не стремились изучать электрооборудование. Такие люди не приживались, уходили.

В бригаде Лесецкого я научился слесарному делу, пользоваться правильно инструментом и заправлять его. Все это, благодаря моему бригадиром, бескорыстному, благородному Николаю Лесецкому. Такому человеку хочется сказать сердечное спасибо!

Прошло много лет, от практикантов я узнал, что Николай Лесецкий читает лекции в Томском политехническом институте.

Учение. Для того, чтобы быстрее подсобники освоили названия электроматериала, организовали наглядное пособие, в мастерской во всю стену повесили доску, укрепили на ней образцы провода, изоляции, болты, ролики и т.д. Под каждым образцом написано его название. Такой метод обучения помог нам быстрее запомнить правильно называть электрический материал.

Вечерами поле работы проводили занятия по изучению теории электротехники. Занятия вел мастер электрического цеха Мягков Геннадий Николаевич. Геннадия Николаевича я вспоминаю только с благодарностью. Он с такой любовью старался нам разъяснить

сложные законы электротехники. А мы, слушатели, были все разные по образованию, поэтому наука давалась каждому с большим трудом.

У меня с учебой было лучше, чем у других. По пройденному материалу я составлял конспект и старательно учил. Для учебы было достаточно времени, так как работали по семь часов, а неделя была пятидневка, выходные были 5, 10, 15, 20, 25, 30 числа каждого месяца. Мое старание не осталось незамеченным, меня перевели в бригаду Судницкого.

Вторичная коммутация. Бригада Василия Судницкого вела монтаж вторичной коммутации. В машинном зале ЦЭСа установили щит управления, на щите установили от каждого фидера амперметры, счетчики, кнопки и сигнальные лампы. Все то, что было необходимо для того, чтобы вести наблюдение за работой электросети и автоматически со щитов включать и выключать масляные выключатели каждого фидера.

Судницкий был старше нас всех, кто работал в его бригаде. Специального технического оборудования он не имел, но зато он прошел хорошую практику по этой работе. До нашей стройки он работал наладчиком на стройках. У него был спокойный, общительный характер, он был способным организатором, с ним было работать легко и хорошо. Он не мог накричать, наговорить грубых слов своим подчиненным, если у тех что-то не получалось. Он всегда был добрым, вежливым. Пришел я работать в его бригаду и проявлял большой интерес к новой работе. С увлечением изучал назначение и принцип действия приборов, аппаратов. Мое старание администрация учла, мне присвоили очередной разряд.

Кабельщик. К нам на монтаж прислали специалиста по кабельным работам, фамилия его была Мамин. Кабельная работа трудоемкая и грязная, но ответственная, кому попало разделывать кабельную муфту не поручишь. Прочность разделки кабельной муфты будет зависеть насколько она правильно и чисто была разделана, с соблюдением всех правил и норм. Чтобы при разделке муфты соблюсти чистоту и не отступать от норм, специалисту нужен хороший навык.

Мне захотелось научиться разделывать кабельные муфты, я просил начальника послать меня работать к Мамину. С первых дней моей работы с Маминым, я своими словами записал размеры и как по нормам делать замок. И все выучил наизусть. После этого сколько мне пришлось разделывать концевые, линейные муфты. Не было случая, чтобы при включении муфта вышла из строя.

Я стал дежурным электромонтером. Меня с больничного выписали на работу. Я еще был слаб, тяжелую работу выполнять не мог. Начальник электроцеха Николай Евдокимович Долгушин говорит мне: «Ты учился на курсах и хорошо усваивал программу, поэтому мы можем тебя допустить к работе по обслуживанию электрических установок. Будем надеяться, что ты справишься с работой дежурного электромонтера. Временно прикрепляем тебя к Осипову Александру Григорьевичу».

Мы с Сашкой одногодки, но он уже работал дежурным, имел большой опыт. Я уважал его. Когда завод пустили, мы с Осиповым работали в сменах дежурными электромонтерами, были хорошими друзьями. Рабочее место находилось в ВСУ (временная силовая установка). Осипов познакомил меня, где находятся перемычки, идущие на объекты линии, при надобности можно будет быстро отключить. Рубильников в то время мало было. В обязанность дежурного входило обслуживать на объектах бетономешалки, подъемники, насосы. У каждого агрегата были девушки-мотористки, для того чтобы в случае какого повреждения вызвать дежурного. Я быстро освоил работу, дежурил самостоятельно, ребята нашего цеха стали завидовать мне. «Как это тебе удалось в короткий срок овладеть такой специальностью?» – спрашивали они. А мелкие людишки пускали по цеху молву, что я стал дежурным нечестно, по блату. Нет, я не искал для себя никаких выгод и теплого места. Так неожиданно сложилась у меня на работе обстановка. Из-за болезни я был переведен в дежурные.

Работая дежурным монтером, мне приходилось каждый день общаться с девушками-мотористками, такого же возраста, как я. Девушки были подобраны веселые, старательные, в свободное время любили поострить и поохотать... ..Я им говорил: «Девчата, учитесь, готовьте себя. Недалек тот день, когда пустим завод. Вам придется пускать в ход высо-

ковольтные моторы, мощностью в несколько сот киловатт. Пуск их будет сложным». Вот в такой обстановке я жил и работал, сам учился и людей учил. Так поступал мой товарищ Осипов Александр Григорьевич. Когда завод пустили, организовали курсы мотористов, так как специалисты, обслуживающие такие агрегаты, должны быть хорошо подготовленными. Набрали группу. Меня обязали учить мотористов. Вспоминая то время, хочу сказать, что как бы бедно не жили, но молодежь не ныла, не жаловалась на бедность, у всех было большое стремление к работе, учебе.

Первый начальник электрического цеха. День ото дня становится все меньше тех людей, которые первыми начали работать на цементном заводе. Я всю свою жизнь, исключая годы войны, работал на цементном заводе в электроцехе. Тут мне было все родное, все дорого. Быстро время прошло. Казалось бы, совсем недавно пришел я в электроцех, а уже состарился. За период моей работы в цехе на моих глазах столько перебыло начальников цеха, что со счета можно сбиться. Первым начальником электроцеха был пожилой мужчина, по национальности немец, по фамилии Грот. Он, видимо, был лысым, поэтому голову брил. Еще была у него одна особенность – прямой, большого размера нос.

Человек он новый, людей знал плохо. А профсоюзная организация цеха работу вела слабо, актив еще не был создан, ему никто не помогал. А нарушения были. Была и бесхозяйственность. А он с этим мириться не мог, когда что-нибудь не так, он мрачнел и злился, искал виновных. Он был очень строгий, нарушителей наказывал.

Второй начальник электрического цеха. Взамен ушедшего начальником эл.цеха стал Николай Евдокимович Долгушин. Ему уже перевалило за тридцать. Он был во всем аккуратным, всегда чисто выбритый, наглажен, в движениях энергичен, в ходьбе стройный.

Он был хорошим специалистом, и его выдвинули как лучшего рабочего возглавить цех. В обращении он был добрый, внимательный. Ценил мнение других, спокойный, рассудительный. На подчиненных голос не повышал.

Как только Долгушин стал начальником, то энергично взялся выполнять свои новые обязанности, первым делом он стал подбирать в цех добрых ребят. А это много значит, если начальник цеха уделяет большое внимание в подборе кадров в вверенный ему коллектив.

Особое внимание Долгушин уделял воспитанию молодых рабочих. Стремился как можно лучше узнать людей, в чем они нуждались, заботливо им помогал. После больших трудностей Николаю Евдокимовичу удалось сплотить коллектив. В этом есть заслуга профсоюзной организации цеха. Ее возглавлял профорг Антон Антонович Привалов. Он активно помогал сплачивать коллектив, вести повседневную воспитательную работу, постоянно опирался на актив цеха, сосредотачивал все усилия на развертывании социалистического соревнования, добивался хороших результатов, выполнения взятых обязательств. А при подведении итогов на общих собраниях учитывали все деловые замечания рабочих.

С большим уважением вспоминаю Николая Кузьмина, Александра Аникина, Ивана Бледнова, Анатолия Рябова. Эти ребята были самые лучшие в эл.цехе, хорошие специалисты, и у меня с ними сложились хорошие отношения. Я считаю себя счастливым, что судьба свела меня с такими замечательными парнями, с которыми работать было легко и приятно.

Мои воспоминания. Пишу я воспоминания о близких своих товарищах. Я с ними познакомился, когда мне поручили сушить генератор, потом наше знакомство перешло в дружбу. С первых встреч я почувствовал, что эти люди добрые, честные, трудолюбивые.

Когда шло строительство, они работали на стройке, выполняя разные работы, а сейчас они первыми стали осваивать новую специальность. Я считаю, что люди одни из лучших, поэтому надолго остались в моей памяти.

Наступило лето 1934 года. Теплая, сухая погода. В котлах ЦЭСа подняли пар, машину крутили на холостых оборотах. Распределительное устройство готово принять напряжение.

Начальник электроцеха Николай Евдокимович Долгушин поручает мне сушить генератор. Эта работа новая и ответственная, требовала большого внимания. От генератора

кабель подключили к железным конусам. Через блок конуса опускали наполненный подсоленной водой чан, на конусах получалось короткое замыкание, создавая на генераторе нагрузку. Каждый час записывали температуру и нагрузку генератора.

Осваивали новую профессию Степан Никулин, Иван Лемаев, Мария Бочкарева. Они прошли курс обучения, потом долгое время работали дежурными у щита. В это время мне стали знакомы работники ЦЕСа – старший кочегар Петр Григорьевич Позолотин, машинисты турбины Борис Петрович Борисов, Иван Иванович Марьин, Иван Иванович Комаров, помощник машиниста Иван Андреевич Еримеев.

Эти люди успешно освоили свою специальность и передают свои знания молодым рабочим. В коллективе ЦЕСа эти люди являются активными общественниками. Таким людям нужно сказать: «Сердечное Вам спасибо, люди труда!»

Подготовка к пуску. Просушили генератор, и я вернулся в производство дежурным электромонтером по заводу. С первых дней начали крутить на холостом ходу агрегаты технологических линий, устраняя все недоделки, подготавливая оборудование к пуску. Первым пустили сырьевой цех.

С Яшкинского цементного завода приехал мельник сырьевых мельниц Кривинков Николай, он добросовестно старался передать свой опыт будущим мельникам. Очень важно, чтобы мельник-новичок вел работу самостоятельно, хорошо был знаком с технологией работы, чтобы не допустить брака. У большинства мельников не было оборудования, тогда мастер сырьевого цеха Овчинников Николай Иванович помог как лучше освоить профессию мельника. Он без опаски доверял им агрегат.

Розжиг печи. Я хочу вспомнить о людях, с которыми я познакомился, когда мы первыми разжигали печь.

Надолго мне запомнился день 24 октября 1934 года. День был тихий, сухой, теплый. В восемь часов утра начали разжигать печь. С Яшкинского цементного завода в цех обжига прибыли специалисты по обжигу клинкера: Алексей Васильевич Лошкарев, Николай Яковлевич Шмырин, Егор Иванович Пронин, Ольга Ануфриевна Бойкова. Присутствовал представитель главка Болдарев, директор Яков Иванович Евсеев, Александр Тимофеевич Горячев и многие другие, всем хотелось узнать, как пойдет печь и какого качества будет клинкер. Начальник лаборатории Петр Николаевич Ильин возьмет на анализ определить.

При пуске появились неполадки, плохо работал шиббер. Технолог, он же начальник смены, Василий Теунов полез в пыльную камеры, чтобы устранить причину и получил ожог ноги. Тогда начальник механического цеха Александр Алексеевич Алимовский дал указание механику цеха обжига Хазову, чтобы он поручил устранить дефект лучшим слесарям Евгению Уварову и Григорию Лузчину.

Мы дежурные электромонтеры: я, Александр Осипов, Кирилл Плотников старались помочь технологам, чтобы оборудование не имело простоя по вине электрооборудования. Чтобы технологи добивались качества выпускаемой продукции и высокой производительности.

Люди в смене еще не сработались, были разные по складу характера, поэтому первое время были допущены ошибки. А неполадок было много, а опыта мало и перенять его было не у кого.

В это время было к чему приложить силы, разум и умение. Только упорство, личная инициатива помогла нам сработаться.

Шорник. Все агрегаты технологической линии были смонтированы с ременной передачей. С Яшкинского цементного завода прибыл специалист по шорным делам Павел Бровкин. Специальность шорника не требовала технического образования, но от шорника требовалось большое внимание и сноровка, практический навык. Павел Бровкин хорошо передал свой опыт Василию Бочарову, Николаю Мизину, Ивану Хромову.

Школа мастеров. В народе говорят, что у каждого человека есть судьба и от нее никуда нельзя уйти. Я этому не верю, я считаю, что каждый человек судьбу сам себе строит. Какую он ее создаст, такая она и будет. Я только что описал, как складывается моя судьба на работе. Как бы сложилась моя судьба, если бы я взял и свою жизнь изменил.

Когда наш завод стал пополняться новой техникой, для обслуживания ее потребовались рабочие с техническими знаниями. Построили помещение и назвали его «Дом технической учебы». Создали техническую библиотеку по тому времени можно считать богатой.

В классах было наглядное пособие. В таких условиях легко было вести занятие и лучше усваивался материал. Создали школу мастеров соц. труда, программа рассчитана на три года. Я посещал школу соц. труда. Успеваемость была хорошая.

Наш завод. Мой закадычный приятель, с которым после долгой разлуки мы встретились в день открытия мемориала. Ему в нашем городе все понравилось: кинотеатр, школа, магазин, музей. Не понравились ему трубы цементного завода, день и ночь дымят и дымят. Не было бы у вас завода, не было бы пыли. Я ему говорю: «Милый друг! Не будь здесь завода, не стало бы и города!» Как бы не был вреден завод, он должен работать, надо понять, что строителям нужен цемент, без цемента не построишь дом, плотину, дорогу. Всюду нужен цемент.

Где построили завод, там была пустошь, а вдоль Барнаульского тракта была деревня Черноречка, крестьяне жили единолично, затем создали колхоз Танк. Цементный завод положил начало развитию промышленности, колхоз Танк был вытеснен. Полвека назад деревни Черноречка, Вылково, Койново соединили и назвали рабочим поселком Искитим. Сюда съезжались люди со всех концов страны, чтобы построить цементный завод. Кирка, лопата, лом – вот все, чем располагали тогда рабочие, материал на объекты возили на лошадях. Как бы трудно ни было, но работали вдохновенно с таким душевным настроением, что сомнений не было, что завод построят в срок. Напугались трудностей такая категория рабочих, которых справедливо называли «летуны». Они быстро покинули стройку. А серьезные семьи, которым стройка пришлась по душе, переживая трудности с намерением осесть здесь надолго, добивались высоких результатов, они добросовестно относились к порученному делу. Вот передовые рабочие – Петр Алексеевич Музьев, Иван Иванович Марьин, Михаил Ефимович Фомичев, Иван Дмитриевич Угольников. Таких людей на стройке было сотни. Они прижились на цементном заводе. Для них Искитим стал родным городом. В 1934 году была пущена первая технологическая линия. Завод стал выпускать продукцию. Сложился постоянный коллектив, бывшие строители отлично освоили профессию обжигала, выпускали продукцию качественно, добиваясь высокой производительности. Рос коллектив завода, росла и потребность в жилье, в культуре. Поэтому велась застройка жилых домов, детских учреждений, школ, магазинов, клубов. Из захолустных деревень вырастал поселок городского типа. Для повышения технического уровня рабочих при заводе создали школу мастеров соц. труда. С большим уважением вспоминаю преподавателей школы. Владимира Михайловича Чубарова, Петра Николаевича Ильина, Наталью Анатольевну Зубилевич. Они потратили много сил и времени, передовая свои знания нам. работал и учился, упорно повышал свои знания, мне помогали как лучше освоить свою профессию и стать рабочим высшего разряда Геннадий Николаевич Мягков, Бронислав Федорович Лапушинский. Я благодарен таким мастерам, они обладали очень важным качеством умением работать с людьми. Я неоднократно избирался профгруппоргом цеха. Как лучше справляться с общественной работой меня учили Иван Мартемьянович Барсуков, Антонина Васильевна Казанцева – это ветераны завода, активные общественники, они много сделали, чтобы в коллективе завода как можно меньше было нарушений трудовой дисциплины. Шло время, за это время построили вторую очередь завода, реконструировали старый завод, ныне завод ежегодно поставляет стройкам миллионы тонн цемента.

Пришло молодое поколение достойно продолжать начатое дело отцов. С уверенностью можно сказать, что эстафета в надежных руках. Сейчас цементники не те, что были, живут материально обеспечены, нравственно воспитаны, духовно богатыми. Для них дорог завод, они дорожат своим городом, который с каждым годом становится еще краше.

Статья поступила в редакцию 01.08.2020 г.